

УДК 174
ББК 87.75

А. Г. Маслеев
**ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА ЮРИСТА КАК
МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ДИСЦИПЛИНА**

Ключевые слова: профессиональная этика юриста; профессиональные кодексы; мировоззрение; этос; профессиональный идеал; моральный выбор.

Резюме: в статье рассматривается мировоззренческий аспект преподавания профессиональной этики юриста. Показана взаимосвязь субстанциональных и функциональных характеристик формирующегося этоса юридической профессии.

Профессиональная этика юриста по своей природе достаточно многозначна. Этим понятием обозначается, во-первых, свод нравственных ценностей, принципов, норм и правил, которыми должны руководствоваться юристы в различных сферах своей специализированной деятельности (адвокатура, нотариат, судопроизводство и т. д.). Во-вторых, речь может идти о научной дисциплине, делающей предметом своего целенаправленного изучения профессионально-этическое регулирование юридической деятельности, возникающие при этом проблемы и новые тенденции. Наконец, в-третьих, мы имеем дело с учебной дисциплиной, преподавание которой около десяти лет ведется в высших и средних специальных учебных заведениях юридического профиля. Именно последнему аспекту будет уделено основное внимание в нашей статье.

Профессиональная этика юриста относится к числу учебных предметов, статус которых продолжает оставаться неопределенным. Находясь на стыке правовых и социально-гуманитарных дисциплин, она в равной мере испытывает влияние как тех, так и других. При этом право, безусловно, составляет основу всех действий в данной сфере. Не случаен тот факт, что наиболее значимые требования, предъявляемые к профессиональной деятельности юриста, законодательно закреплены. Это, однако, ни в коей мере не умаляет роли нравственного фактора, значение которого в определенные моменты (как раз такой переходный период переживает российское общество) может существенно возрастать.

Ответ на вопрос о том, что представляет собой рассматриваемая дисциплина и какие цели она преследует, не выглядит однозначным. На практике этическая проблематика в определенной степени присутствует, например, в уголовном и гражданском процессе, ряде иных предметов юридического цикла. Может показаться, что профессиональная этика юриста, сводя воедино разрозненные элементы знания, лишь восполняет таким образом имеющийся здесь пробел. Нередко утверждается, что цель данного учебного предмета состоит в усвоении соответствующих норм и этических кодексов, регулирующих профессиональное поведение юристов. При этом игнорируется как нравственный смысл тех или иных требований, так и мотивация, которой руководствуются люди при их соблюдении. В основании этого подхода, в частности, лежит представление об условном характере правил, которые адресуются «не к человеку (с его изначальной свободой), а к его роли, к его маске, соответствующей его профессиональной функции» [1, с. 16]. Парадокс обрисованной ситуации в том, что при столь буквально понятой

формализации требований этика оказывается явно избыточной, а потому и излишней применительно к кажущейся нейтральности преследуемых целей.

Представим в связи с этим ситуацию, вполне типичную для студентов-юристов. В рамках учебного процесса предусмотрен такой вид проверки знаний студентов, как решение задач по предметам соответствующего юридического профиля. Студент, ознакомившись с фабулой и руководствуясь нормативными документами, должен дать квалификацию тем или иным правоотношениям, действиям, их последствиям. Необходимым элементом этого выступает отсылка к соответствующим статьям и параграфам законодательных актов. Естественным критерием оценки здесь будет знание действующего законодательства и умение его применять к анализу конкретных условий. Технология освоения материала студентами и проверки его преподавателями в этом случае в полной мере отвечает характеру формализованного знания, с которым они имеют дело. Несколько иная картина складывается применительно к сфере профессионально-этического регулирования.

Опыт использования в учебном процессе профессиональных кодексов (адвокатской, судейской, нотариальной этики) свидетельствует о том, что знание нормативных положений, регулирующих конкретную ситуацию, оказывается недостаточным. Так, если фабула задачи содержит признаки действий адвоката, способных нанести ущерб профессиональной чести, студент, конечно, должен сослаться на п. 1 ст. 4 Кодекса профессиональной этики адвоката, где сказано: «Адвокаты при всех обстоятельствах должны сохранять честь и достоинство, присущие их профессии» [2, с. 12]. Однако специфика этики, включая профессиональную, связана с тем, что для нее значимость обладают не нравственные требования сами по себе, а заключенный в них смысл. В самом деле, остается неясным, почему поведение юриста должно подчиняться требованиям сохранения профессиональной чести. Ведь в этом случае речь идет не только и уже не столько о самом индивидуе, но и о членах группы, к которой он принадлежит. Какого рода отношения должны, к примеру, возникать внутри судейского и адвокатского сообществ, чтобы у их представителей формировалось взаимное чувство ответственности за поддержание чести всей группы, включая тех ее членов, о которых они ровным счетом ничего не знают. С другой стороны, интерес представляет то, всегда ли юрист должен придерживаться этого требования или же допустимы отступления там, где его никто не знает (во внеслужебной обстановке, на отдыхе и т. п.), и, следовательно, его действия в этом случае объективно не могут нанести ущерба. Однако не влечет ли рассматриваемая ситуация субъективных потерь: в сознании собственного достоинства, нравственных убеждений, ценностной картины окружающего мира? Понятно, что отсылка к соответствующей статье кодекса здесь не поможет.

Этические требования, которыми юристы руководствуются в своей профессиональной деятельности, обретают смысл лишь при условии их соответствия с целями и мотивами, которыми руководствуются в своих поступках индивиды. Это предполагает выстраивание системы моральных принципов и ценностей, в контексте которых представление о профессиональной чести, достоинстве, репутации и иных элементах профессионального сознания только и могут обрести необходимый регулятивный статус.

Между тем учащиеся, затвердив основные правила и нормы, призванные поддерживать профессиональное достоинство и честь, нередко оказы-

ваются не в состоянии объяснить, что именно вкладывается в содержание указанных понятий. Суть означенной коллизии в том, что студент получает полное знание пути, ведущего к моральному благу, тогда как собственный смысл и нравственное значение последнего как цели его деятельности остается для него скрытым. Причина этого, на наш взгляд, как раз определяется недостаточным вниманием к мировоззренческой стороне, в результате чего у будущего юриста не может сформироваться целостное представление об избранной профессии.

Наряду с правовыми знаниями, умениями, навыками будущий юрист должен иметь общее представление о том, какому делу он служит, что, в свою очередь, сказывается на мотивации его деятельности. Способность правильно ориентироваться в обстановке усложнившихся и весьма неоднозначных, как с точки зрения права, так и морали, обстоятельствах определяется наличием мировоззрения и его качественными характеристиками.

Структура профессионального мировоззрения складывается из ряда составляющих. Во-первых, оно связано с общей картиной окружающего мира, системой взглядов на характер отношений и взаимодействия институтов, социальных групп и людей между собой. В рассматриваемом нами аспекте принципиально важную роль играет представление о статусе права при тех или иных социальных условиях и роли, которую играют в жизни общества юристы. При определенных обстоятельствах их роль может быть принижена до уровня инструмента, всего лишь обслуживающего чьи-либо интересы; при других же, наоборот, неоправданно завышена, абсолютизирована. Достаточно в этой связи вспомнить надежды начала 90-х гг. прошлого века, связанные со становлением в России правового государства. В то же время ситуация, в которой в наши дни приходится действовать профессиональным юристам, существенно образом отличается от того, с чем мы имели дело на рубеже прошлого и настоящего веков. Естественно, это не может не накладывать свою печать на представление об окружающем мире.

Во-вторых, мировоззренческим статусом обладает вопрос функционального назначения тех или иных институтов (адвокатура, нотариат, следствие и т. п.) применительно к изменяющейся исторической и социальной обстановке, а также их соотносительности между собой внутри уже собственно правового поля, возможные противоречия и конфликты. То же представление об адвокатуре, существовавшее на уровне идеологии в советское время, неоднократно менялось. Если адвоката, являющегося членом КПСС, можно было вызвать на заседание бюро райкома и спросить, зачем он берется защищать человека, обвиняемого в хищениях, это одна ситуация; если же в нем видят полноправного участника состязательного судебного процесса, то можно утверждать, что ситуация коренным образом изменилась. Решение данного вопроса сказывается на мировоззренческих установках личности. Оно так или иначе проявляется в выборе молодым человеком будущей специальности, его отношении к избранному делу, а также возможной перемене рода занятий в дальнейшем. На последнее нередко влияют разочарование, несбывшиеся надежды, несовпадение ранее созданного идеального образа, рисуемого на студенческой скамье, и реальной обстановки, что опять-таки влечет изменение ранее сложившейся ценностной иерархии.

В-третьих, речь может идти о том, как мы сами видим себя в будущей профессии, зачем туда идем и к чему стремимся. Человеку свойственно приме-

рять те или иные социальные роли к самому себе, осуществлять отбор доводов за и против. Одни живут представлениями об интересной творческой работе, которая способна приносить сознание полной самоотдачи самому человеку, уважение со стороны окружающих его людей. Для других определяющим обстоятельством выступает возможность поступить на государственную службу и сделать профессиональную карьеру. Третьи вовсе все свои мечты связывают с высокими доходами и соответствующим материальным положением.

Нет одинакового набора условий, которые однозначно повлияли бы на наши индивидуальные установки. Так, одно и то же обостренное чувство справедливости и неприятия зла ведет к тому, что какая-то часть выпускников связывает свое будущее с работой в прокуратуре, следствии, органах внутренних дел. И в то же самое время многие, руководствуясь аналогичными, по сути, мотивами, выбирают профессию адвоката, защитника по уголовным делам. Отсутствие линейности в этом процессе позволяет взглянуть на «человека как страдающее, переживающее существо, экзистенция которого имеет сравнительно самостоятельную ценность» [3, с. 199]. В действительности формирование личности будущего юриста происходит под влиянием всех названных факторов, однако те или иные из них могут при определенных обстоятельствах оказывать решающее влияние.

В своем подходе к проблеме мы придерживаемся мнения, что любая профессия обладает определенным социальным статусом, включая его ценностный компонент. Даже на уровне общественного мнения прослеживаются несомненные различия в отношении представителей различных правовых специальностей, где одни (адвокат, судья), как правило, ставятся выше других (следователь, судебный исполнитель), образуя своеобразную иерархию. Еще более сильно эта тенденция выражена внутри самой юридической корпорации, где немаловажную роль играет в том числе и профессиональное самосознание. Хотя в последние годы произошел известный перекоп в сторону повышения роли материальных факторов, мотивов деятельности, тем не менее проблема предназначения профессии правоведа не утрачивает своей остроты. Речь, в частности, может идти о том, что различные направления юриспруденции (адвокатура, нотариат, суд и т. п.) обладают собственным этосом (от гр. *ethos* – существенные черты какого-либо явления). Под этосом в данном случае мы понимаем устоявшиеся черты, характеристики отношения людей к социальной ценности профессии, представления о ее значимости, заключенных в ее содержании целях и нравственном идеале служения обществу. Очевидно, что, совпадая в главном – в служении справедливости, этос профессии адвоката-защитника и прокурора-обвинителя будет различаться весьма существенным образом.

Процесс социальных изменений, происходящих в российском обществе, рождает запрос на вполне определенный тип личности профессионала, что в полной мере может быть отнесено к сфере функционирования права. Социальный тип личности, формирующийся на тех или иных этапах истории, оказывается концентрированным выражением ожиданий, предъявляемых новым строем к нравственным качествам индивидов. Показательно в этом отношении замечание известного отечественного судебного деятеля и ученого А. Ф. Кони (1844 – 1927) относительно тех опасений, которые высказывались определенными кругами по поводу судебной реформы 1864 года. «Нет людей!» – таково было главное возражение ретроградов против введе-

ния состязательной формы правосудия, появления новых процессуальных фигур. «Люди нашлись, – писал Кони, вспоминая о том времени. – Быстро и с запасом неожиданных сил появились у нас в первые же месяцы после преобразования судов, в лице прокуроров и защитников, судебные ораторы, не только глубоко понявшие свою новую роль, но и умевшие владеть словом и вносявшие в это умение иногда истинный талант» [4, с. 61]. Очевидно, что для того чтобы такие люди появились там и в тот момент, когда в них возникает действительная потребность, для этого их необходимо целенаправленно готовить, формируя их мировоззренческие установки.

Одной из реальных проблем, относящихся к сфере предмета этики, оказывается диалектически подвижное соотношение должного и сущего, идеала и практики. По сути, это один из тех вечных вопросов, которые волновали представителей этической мысли на всем протяжении ее эволюции. Расхождение моральных норм и поступков людей фиксируется уже на уровне обыденного сознания. Этика же, как практическая философия, лишь пытается проникнуть в действительные причины этого явления. Применительно же к рассматриваемой нами сфере можно говорить о том, что многочисленные кодексы поведения говорят о той желаемой идеальной модели, которой должны придерживаться представители конкретной юридической профессии. Однако и в этом случае несоответствие между идеалом и его воплощением в жизнь вполне очевидно. На наш взгляд, сфера идеального, должного, того, к чему предназначена та или иная специальность, образует *субстанциональную* основу профессионального этоса; процесс же реализации установок этоса на практике применительно к конкретным социальным условиям и устремлениям индивидов позволяет говорить также о наличии у него *функциональной* стороны.

Сама по себе проблема выделения этоса профессии не была бы столь значима, если бы не отражала противоречивость правового и общественного положения юриста. Сегодня, как ни странно, эта тема не привлекает сколько-нибудь заметного внимания ни в специальной литературе, ни в более популярной, затрагивающей злободневные проблемы современной юриспруденции. Между тем еще на рубеже XIX – XX вв. как отечественные, так и зарубежные правоведы достаточно оживленно обсуждали проблему того, чему служит юрист и как он реализует свои функции на практике. Особенно повезло в этом отношении адвокатам, в несколько меньшей степени – судьям. Причина, по которой эти две профессии вызывали наибольший интерес как практикующих юристов, так и правоведов-теоретиков, видится нам в том, что именно для них наиболее велик риск ошибки. Цена этой ошибки определяется тем, что она сказывается на жизни и судьбах вполне реальных людей. Поэтому и адвокат, и судья постоянно находятся в ситуации морального выбора. К профессии адвоката сверх того присоединяется неоднозначность оценок его роли со стороны общественного мнения, а также и обратная реакция на это самой профессиональной корпорации.

Обращение к теоретическому наследию прошлого оказывается весьма продуктивно, поскольку позволяет извлечь необходимые уроки из проблематики, живо обсуждавшейся уже нашими предшественниками. Обсуждение со студентами текстов, которые после длительного периода забвения наконец вновь начали издаваться, позволяет перейти от обсуждения частных вопросов к более широкому видению профессии. Не секрет,

что даже изучающие юриспруденцию студенты нередко переносят на конкретные специальности долю скепсиса, питаемую общественным мнением и разного рода предубеждениями. На уровне обыденного сознания оказывается, например, невозможным объяснить нравственное назначение профессии адвоката. Однако это становится возможно, если мы поднимаемся до уровня мировоззрения, где адвокатура предстает как необходимый институт гражданского общества.

Известный дореволюционный процессуалист Е. В. Васьковский отмечал, что в гражданском процессе цель адвокатской деятельности определяется защитой не только интересов отдельного лица, но и всего общества. Справедливость этого суждения обусловлена тем, что благополучие общества не может быть обеспечено, если нарушены гражданские права и свободы конкретного человека. Потому-то, способствуя «своими знаниями и красноречием торжеству правой стороны», адвокат «защищает индивидуальные права частного лица ввиду и во имя общественного блага» [5, с. 79]. Налагаемые на юриста обязанности превращаются в этом случае в его личную задачу, неодинаково понимаемую разными представителями профессии. Функциональная сторона этоса определяется в этом случае наличием нижнего и верхнего предела. Нижний предел в исполнении адвокатом своих обязанностей связан с минимизацией усилий по защите прав конкретного человека. Верхний предел в гражданском процессе нередко оборачивается отстаиванием явно незаконного интереса, а в уголовном – защитой уже не гражданских прав подсудимого либо подсудимого, а собственно самого преступления. На необходимость разработки этоса профессии юриста указывали видные российские правоведы дореволюционного периода (С. А. Андреевский, А. Ф. Кони и др.).

К функциональной стороне этоса может быть также отнесена проблема нравственного выбора, которая периодически возникает в профессиональной деятельности юриста. Для судьи это – вынесение решения по итогам рассмотрения конкретного дела; для адвоката – вопрос о том, принимать или же нет поручение на ведение дела, какова та предельная цель, к которой мы можем стремиться в той или иной ситуации, и каковы средства, пути ее достижения. Наряду с чисто практическими соображениями мировоззренческие установки играют здесь едва ли ни определяющую роль. Так, С. А. Андреевский подчеркивал необходимость для адвоката придерживаться правды и сознания того, что своими действиями он содействует справедливому делу: «Когда к вам приходит клиент, не цепляйтесь за него, не уродуйте самого себя размышлением: “как бы тут можно было извернуться?”. Ставьте вопрос иначе. Спросите себя, всесторонне ознакомившись и с бумагами, и с человеком: “что есть справедливого в объяснениях?”. В другом месте он замечает: «Я просто не способен к лживым изворотам; мой голос, помимо моей воли, выдаст меня, если я возьмусь развивать то, во что не верю» [6, с. 28, 29]. Из приведенного текста видно, как много значит нравственная позиция самого человека. Никакой кодекс не может восполнить отсутствие устойчивых убеждений, тем более предусмотреть множество тех ситуаций, в которых по роду своей деятельности оказывается юрист.

В своем подходе автор придерживается точки зрения, что субстанциональная и функциональная стороны профессионального этоса взаимо-

дополнительны и подвижны. Если субстанциональная составляющая выступает как основа всех разнообразных действий, юридической практики в целом, то и сама последняя оказывает обратное воздействие, способствуя постепенной гуманизации ценностей, принципов, норм профессиональной деятельности. Очевидно, что указанный процесс должен рассматриваться не только в рамках преподавания профессиональной этики. Не менее остро стоит проблема активизации научных исследований, осмысления новых явлений и процессов в данной сфере. Помимо всего прочего это способствовало бы преодолению фиксируемого сознанием разрыва между сферой идеальных представлений и практикой.

Литература

1. Букреев В. И., Римская И. Н. Этика права. – М.: Юрайт, 1998.
2. Кодексы профессиональной этики юриста / Составитель А. Г. Маслеев. – Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 2003.
3. Любутин К. Н., Пивоваров Д. В. Диалектика субъекта и объекта. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1993.
4. Кони А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе (Общие черты судебной этики) // Собр. соч.: В 8 т. – М.: Юридическая литература, 1967. – Т. 4.
5. Васьковский Е. В. Учебник гражданского процесса. – М.: Изд-во «ЗЕРЦАЛО», 2003.
6. Андреевский С. А. Об уголовной защите // Защитительные речи. – 4-е, дополн. изд-е. – СПб.: Изд-ие юрид. книжн. склада «ПРАВО», 1909.